

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-7>

УДК 343.9

Attribution

cc by

АРХИТЕКТУРА СИСТЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Игнатов А.Н.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Аннотация. В статье на основе системного понимания преступности и положений теории архитектуры систем обосновывается научная продуктивность выделения архитектуры системы преступности как самостоятельного уровня ее описания. Архитектура системы преступности рассматривается и как уровень теоретического и прикладного описания преступности как динамической, открытой, нелинейной, стохастической, поликомпонентной, гетерогенной, самоорганизующейся, адаптивной, биосоциальной системы. В отличие от традиционного структурного анализа, архитектурный подход позволяет фиксировать не только состав и соотношение видов преступности, но и устойчивые конфигурации связей ее компонентов, принципы самоорганизации и эволюции, а также архитектурно значимые элементы системы, воздействие на которые обеспечивает системные эффекты противодействия. Предлагается авторская дефиниция архитектуры системы преступности, раскрываются ее компоненты и принципы построения, а также показывается значение архитектурного анализа системы преступности для выработки криминологической политики, разработки эффективных стратегий противодействия преступности и совершенствования антикриминальной практики.

Ключевые слова: преступность, криминальное поведение, системный подход, архитектура системы, сетевые структуры, самоорганизация, адаптивность, цифровизация, противодействие преступности.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CRIME SYSTEM ARCHITECTURE: FORMULATING THE PROBLEM

Aleksandr N. Ignatov

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Based on a systemic understanding of crime and the tenets of systems architecture theory, this paper substantiates the scientific utility of identifying the architecture of the crime system as an independent level of its description. The architecture of the crime system is viewed as a level of theoretical and applied description of crime as a dynamic, open, non-linear, stochastic, multi-component, heterogeneous, self-organizing, adaptive, biosocial system. Unlike traditional structural analysis, the architectural approach allows for capturing not only the composition and ratio of crime types, but also the stable configurations of connections among its components, the principles of self-organization and evolution, as well as the architecturally significant elements of the system, targeting which ensures systemic effects in countering crime. The author provides a definition of the architecture of the crime system, reveals its components and construction principles, and demonstrates the significance of architectural analysis of the crime system for shaping criminological policy, developing crime counteraction strategies, and improving anti-criminal practices.

Keywords: crime, criminal behavior, systems approach, systems architecture, network structures, self-organization, adaptability, digitalization, countering crime.

Funding: Independent work.

Введение.

В современной криминологии под влиянием общих методологических трансформаций в познании действительности наблюдается усиление междисциплинарных связей и выработка интегративных теорий преступности. Все более отчетливо выражается сдвиг от редукционистского восприятия преступности как простой, статистически фиксируемой совокупности преступлений к ее осмыслению как сложного системного феномена. Сугубо количественная регистрация преступных деяний и лиц, их совершивших, хотя и необходима для эмпирического изучения преступности, обладает ограниченной гносеологической продуктивностью. Она фиксирует внешние проявления, но не раскрывает внутренних механизмов самовоспроизводства и адаптации преступности, ее взаимосвязей с правовой, экономической, политической и культурной

средой. Преступность проявляется как многоуровневое образование, включающее преступные практики, субъекты и группы, криминальные рынки и инфраструктуру, которые в постоянном взаимодействии формируют наблюдаемую криминальную реальность. Системный подход, восходящий к общей теории систем [1; 2; 3; 4; 5], подчеркивает целостность, открытость и эмерджентность подобных образований.

Он позволяет выявить фундаментальный системообразующий признак всех преступлений – преступное (уголовно-запрещенное) поведение человека по отношению к другому человеку или обществу в целом, которое конституируется спецификой природы человека как биосоциального существа, проявление которого на массовом уровне и образует феномен преступности [6]. В соответствии с системным подходом преступность следует рассматривать как динамическую, открытую, нелинейную,

стохастическую, поликомпонентную, гетерогенную, самоорганизующуюся, адаптивную, биосоциальную систему [7].

Однако, признавая преступность системой, наука неизбежно сталкивается с вопросами: как устроена данная система, какова ее внутренняя конфигурация, как она меняется в пространстве и во времени? Таким образом, для аналитического и прикладного использования системного подхода в исследовании преступности требуется категориальный аппарат, способный описывать не только состав системы преступности, но и принципы ее устройства - структурные решения, обеспечивающие ее целостность и изменчивость. В качестве такого инструмента выступает категория архитектуры системы, разработанная в теории сложных систем и системной инженерии [8; 9].

Результаты.

В теории систем и системной инженерии понятие архитектуры сформировалось как инструмент описания и проектирования сложных объектов, в которых «целое» не выводится из простой суммы частей. В теории архитектуры систем под архитектурой понимается совокупность структурных решений, определяющих организацию системы, ее компоненты и способы их взаимодействия, а в стандартах архитектурного описания - набор взаимосвязанных представлений, фиксирующих состав, связи, ограничения и принципы эволюции системы [10]. Международный стандарт ISO/IEC/IEEE 42010:2011 «Системная и программная инженерия. Описание архитектуры» и идентичный ему национальный стандарт Российской Федерации определяют архитектуру как фундаментальные концепты (понятия) или свойства системы в окружающей ее среде (контексте, определяющем параметры и обстоятельства всех воздействий на систему), воплощенные в элементах, отношениях и принципах проектирования и эволюции (развития) [11].

Во всех указанных трактовках инвариантно присутствуют три ключевых элемента: 1) выделение компонентов (элементов, подсистем); 2) фиксация их связей и взаимодействий, 3) указание принципов, задающих устойчивость и допустимые траектории развития системы. Тем самым архитектура выступает не просто описанием структуры, а совокупностью ключевых структурных решений, определяющих организацию системы, ее компоненты и способы их взаимодействия.

Следует отметить, что перенос категории «архитектура системы» в криминологию требует методологических уточнений. Прежде всего необходима ее адаптация к специфике социально-нормативных систем, предполагающей понимание того, что преступность формируется рефлексивными акторами, опирается на неформальные институты, использует ресурсы власти, насилия, информации и доверия и постоянно переопределяет границы допустимого [12; 13; 14]. Архитектура системы преступности не является «проектом» в инженерном смысле, поскольку преступность не конструируется единым субъектом, а возникает и

воспроизводится в результате массового криминального поведения, включенного в социальные и правовые контексты. Вместе с тем преступность как самоорганизующаяся система демонстрирует устойчивые конфигурации связей, типовые формы кооперации и конкуренции, повторяющиеся модели криминальных практик и их инфраструктурного обеспечения, а также механизмы адаптации к изменениям среды, включая правоохранительное воздействие. Следовательно, архитектура в данном случае понимается как аналитическая модель - она фиксирует не сущностное содержание преступности, а устойчивые и воспроизводимые структурные решения, которые фактически реализуются множеством акторов и обеспечивают функционирование системы.

Исходя из понимания архитектуры системы как ее принципиальной организации, воплощенной в элементах, их взаимоотношениях друг с другом и с окружающей средой, а также в принципах, направляющих ее проектирование и эволюцию, архитектуру системы преступности целесообразно определить как совокупность устойчивых и воспроизводимых конфигураций (структурных решений), определяющих организацию преступности как системы, ее ключевые компоненты, их иерархию, типы связей и взаимодействий, а также принципы самоорганизации и развития в конкретном пространственно-временном континууме социальной и правовой среде, самодетерминации и самовоспроизводства, включая адаптацию к противодействию.

В отличие от понятия «структура преступности», традиционно связанного с распределением преступлений по видам и группам, архитектура системы преступности включает более широкий набор характеристик. Наряду с морфологией (составом) она описывает функциональную конфигурацию преступности, ее информационно-коммуникационные и ресурсные параметры, механизмы интеграции и дезинтеграции как системы, а также архитектурно значимые решения, трудно изменяемые без существенного воздействия на систему в целом.

Компоненты архитектуры системы преступности могут быть представлены в четырех взаимосвязанных функциональных плоскостях, в каждой из которых реализуются специфические задачи функционирования системы.

Во-первых, это субъектно-поведенческий компонент, включающий индивидов и группы, которые осуществляют криминальное (уголовно наказуемое) поведение в индивидуальных, групповых и организованных формах, а также жертв и иных вовлеченных лиц, без которых невозможно воспроизводство криминальных практик (например, посредников и «поставщиков возможностей» [15]). В системном определении преступности как массового криминального поведения части членов общества субъектно-поведенческий компонент выступает первичным носителем системообразующего признака преступности.

Во-вторых, это деятельностно-процессуальный компонент, отражающий типовые циклы преступной деятельности: формирование мотива и цели, поиск возможностей (орудий и средств, соучастников, условий совершения преступлений), совершение преступления, сокрытие его совершения, легализацию результатов преступной деятельности, нейтрализацию рисков и воспроизводство криминальной практики в дальнейшем.

В-третьих, это инфраструктурно-ресурсный компонент, включающий материальные, финансовые, технологические и информационные ресурсы, которые создают возможности для криминальных практик и обеспечивают их (транспорт, оружие, коммуникации, логистика, цифровые сервисы, коррупционные инструменты и пр.).

В-четвертых, это институционально-нормативная среда, в которой преступность существует как подсистема общества. Уголовный закон задает границы преступного, правоприменение формирует «рисковый профиль» и «цену» преступной деятельности, а социальные институты и культура определяют доступность девиантных практик и степень их стигматизации. При этом необходимо учитывать и обратную связь: институты уголовной юстиции, административный надзор, а также превентивная деятельность специализированных и неспециализированных субъектов одновременно ограничивают преступность и стимулируют ее адаптацию.

В теории сложных систем архитектура понимается как способ организации множества частей, взаимодействующих и образующих иерархии подсистем. Именно иерархичность рассматривается как условие устойчивости и управляемости сложных объектов. Применительно к преступности это означает необходимость различать уровни архитектуры данной системы.

Методологически важно различать как минимум три уровня архитектуры системы преступности. Микроуровень охватывает индивидуальное криминальное поведение, его биосоциальные предпосылки и ситуативные характеристики. На микроуровне анализируется архитектура преступления: конфигурация участников (преступник, соучастники, жертва, очевидцы), способ совершения, ситуация совершения преступления, а также меры сокрытия. На мезоуровне раскрывается архитектура криминальных практик, включая деятельность преступных сообществ, криминальные сети и криминальные рынки товаров и услуг (распределение ролей, каналы коммуникации, механизмы осуществления криминальных практик, логистику, финансовые потоки и пр.). На макроуровне рассматривается архитектура преступности как подсистемы общества, как всего комплекса видов преступного поведения и криминальных практик и институтов, встроенных в экономические, политические, культурные и иные процессы.

Многоуровневость означает, что изменения на одном уровне могут порождать трансформации на дру-

гом. Так, цифровые каналы коммуникации модифицируют как способы совершения преступлений (мошенничеств, вымогательств, хищений), так и мезоуровневые модели организации преступных сообществ, а также характеристики структуры и иных параметров преступности на макроуровне. При этом межуровневые связи носят двусторонний характер. Макроусловия формируют «поле возможностей», мотивацию и целеполагание преступного поведения. Мезоструктуры обеспечивают организационные и инфраструктурные ресурсы. В свою очередь, акторы микроуровня совершают конкретные преступления, которые в агрегированном виде изменяют и мезо-, и макроуровни.

Архитектура системы преступности задает структуру системы, ее компоненты, их взаимосвязи и принципы взаимодействия. Она выступает «матрицей совместимости» криминальных практик и организационных форм, обеспечивая целостность при высокой вариативности поведения отдельных акторов. В этом смысле архитектура системы преступности является не статическим описанием ее параметров, а динамической конфигурацией связей, поддерживающей жизнеспособность структуры в условиях внешнего давления и внутренних конфликтов.

Архитектура системы преступности определяется не только наличием компонентов, но и конфигурацией их взаимосвязей. На уровне элементарных взаимодействий (микроуровне) ключевым является отношение «преступник – объект посягательства – жертва (социальная система)», опосредованное правовыми запретами и социальными нормами. На уровне мезоструктур (преступных сообществ, криминальных сетей, рынков) связи принимают форму устойчивых ролей, распределения функций, координации, контроля, механизмов принуждения и пр. На уровне макросистемы проявляются обратные связи между состоянием преступности и параметрами общества, в частности, динамикой экономического развития, социальным неравенством, трансформациями государственных и общественных институтов, миграционными процессами, культурными сдвигами, технологическим развитием, а также геополитическими процессами [16]. Именно наличие разнотипных связей (генетических, функциональных, информационных, пространственных и прочих) и их иерархия придают преступности качества целостности и эмерджентности, при которых система в целом обладает свойствами, отсутствующими у отдельных преступлений.

Архитектурный анализ требует многомерного описания сложной системы – один и тот же объект должен быть представлен в разных проекциях, отвечающих различным исследовательским задачам. Данное требование составляет основу подхода, закрепленного в стандартах описания архитектуры систем. Применительно к преступности целесообразно выделять, по меньшей мере, следующие взаимодополняющие «архитектурные представления».

Структурное представление фиксирует состав и соотношение подсистем (видов преступности, криминальных рынков, типов криминальных сообществ и

сетей). Функциональная проекция описывает функции преступности как подсистемы общества (перераспределение ресурсов, формирование теневых рынков, обеспечение альтернативных (нелегальных) механизмов доступа к благам, символическое насилие, поддержание субкультурной идентичности, стимулирование развития общества и совершенствования антикриминальной практики). Представление о преступности как процессе моделирует жизненный цикл преступного поведения, криминальных практик, а также типовые и футурологические сценарии воспроизводства и развития преступности. Информационно-коммуникационное представление раскрывает каналы коммуникации, координации и управления, включая современные цифровые коммуникации, платформенные технологии и пр. Ресурсный аспект отражает источники и механизмы пополнения кадрового потенциала криминалитета, материально-финансового обеспечения криминальных практик, потоки незаконных доходов и механизмы их легализации. Территориальное представление отображает пространственную организацию преступности (географическую и топографическую распределенность), а также криминальных связей (сети, узлы, «хабы», транзитные маршруты). Наконец, эволюционное представление фиксирует принципы изменения архитектуры под воздействием внешних и внутренних факторов, включая правоохранительное воздействие.

Принципы построения архитектуры системы преступности вытекают из общих закономерностей самоорганизации и воспроизводства сложных открытых и адаптивных систем, а также биосоциальной природы преступности. К ним относятся принципы иерархичности, функциональной дифференциации, распределенности управления, конкуренции, открытости для внешней среды, адаптивности и эволюционной вариативности, гибридизации и латентности.

Следует учитывать, что архитектура системы преступности динамична. Под воздействием множества факторов она трансформируется, потому не может быть описана как статичная схема. Целесообразно различать относительно инвариантные архитектурные

решения (например, необходимость ресурсного обеспечения и коммуникации, потребность в легализации доходов) и переменные решения, зависящие от пространственно-временного континуума, уровня технологического развития и особенностей правового регулирования. Иными словами, архитектура преступности проявляет свойства сложных систем. Она включает устойчивые уровни и повторяющиеся модели, но допускает широкий диапазон вариативности на периферии, где происходит инновационное развитие криминальных практик.

Заключение.

Сущность построения любой архитектуры заключается в структурировании объекта, где структурирование означает упорядочивание элементов и связей. Исследование архитектуры системы преступности имеет принципиальное значение для понимания природы преступности и актуального состояния данного феномена, а также для выявления и прогнозирования функциональных и иных системных трансформаций преступности с целью выработки управляемого воздействия на нее.

Применение такого методологического инструментария познания, как категория «архитектура системы», позволяет комплексно исследовать преступность во всем многообразии ее системных свойств и характеристик. Разработанное определение архитектуры системы преступности как совокупности устойчивых и воспроизводимых конфигураций (структурных решений) позволяет концептуализировать внутреннее устройство криминальной сферы. Понимание сложности и динамичности архитектуры системы преступности, а также принципов ее построения позволяет определить факторы, детерминирующие преступное поведение и влияющие на структурные параметры данной системы. В сочетании с возможностью выявления тенденций трансформации архитектуры системы преступности это имеет принципиальное значение для выработки криминологической политики, разработки эффективных стратегий противодействия преступности и совершенствования антикриминальной практики.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Список источников:

1. Берталанфи Л. фон. *Общая теория систем: критический обзор* // *Исследования по общей теории систем*. М.: Прогресс, 1969. С. 23-82.
2. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории* / под ред Н.А. Головина; пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 641 с. ISBN: 978-5-02-026871-5 EDN: QOHQND
3. Урсул А. Д. *Общенаучный статус и функции системного подхода* // *Системные исследования: ежегодник*. М.: Наука, 1977.
4. Садовский В.Н. *Основания общей теории систем*. М.: Наука, 1974. 280 с.
5. Горохов А.В. *Основы системного анализа: учебное пособие для вузов*. М.: Издательство Юрайт, 2019. 140 с. ISBN: 978-5-534-09459-6 EDN: EQLNUF
6. Игнатов А.Н. *О биосоциальной природе преступности* // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2016. № 1. С. 63-73. EDN: VVVLZP

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

7. Игнатов А.Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97-104. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-9-6 EDN: DGTVVT
8. Maier M.W., Rehtin E. The Art of Systems Architecting. 3rd ed. Boca Raton: CRC Press, 2009. 472 p. DOI: 10.1201/9781420058529
9. Gharajedaghi J. Systems Thinking: Managing Chaos and Complexity. 3rd ed. Burlington: Morgan Kaufmann, 2011. 376 p.
10. Bass L., Clements P., Kazman R. Software Architecture in Practice. 3rd ed. Boston: Addison-Wesley, 2013. 587 p.
11. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 19 ноября 2019 г. № 1190-ст "Об утверждении национального стандарта Российской Федерации" // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/73429087>.
12. Гилинский Я.И. Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: учебное пособие / Я. Гилинский, В. Афанасьев; Санкт-Петербургский филиал Института социологии Российской академии наук. Санкт-Петербург, 1993. 167 с.
13. Гилинский Я.И. О системном подходе к преступности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 5. С. 49-56. EDN: UASHXV
14. Лысак И.В. Общество как саморазвивающаяся система: учеб. пособие по курсу "Социальная философия" для студентов высших учебных заведений. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. 112 с. ISBN: 978-5-8327-0263-6 EDN: QGVHXL
15. Игнатов А.Н. Коммодификация персональных данных как криминологический феномен // Общество и право. 2025. № 3 (93). С. 25-30. EDN: SRIDJA
16. Игнатов А.Н. Влияние геополитических факторов на преступность // Вестник экономической безопасности. 2023. № 6. С. 59-63. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-6-59-63 EDN: ERYCYD

References:

1. Bertalanfi L. background. General theory of systems: a critical review // Research on the general theory of systems. Moscow: Progress, 1969. pp. 23-82.
2. Luhmann N. Social systems. An essay on general theory / edited by N.A. Golovin; translated from German by I.D. Gaziev. St. Petersburg: Nauka, 2007. 641 p. ISBN: 978-5-02-026871-5 EDN: QOHQND
3. Ursul A.D. General scientific status and functions of the system approach // System research: yearbook. Moscow: Nauka, 1977.
4. Sadovsky V.N. Foundations of the general theory of systems. Moscow: Nauka, 1974. 280 p.
5. Gorokhov A.V. Fundamentals of system analysis: a textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2019. 140 p. ISBN: 978-5-534-09459-6 EDN: EQLNUF
6. Ignatov A.N. On the biosocial nature of crime // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2016. No. 1. pp. 63-73. EDN: VVVLZP
7. Ignatov A.N. Crime as a system // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. No. 9. pp. 97-104. DOI: 10.24412/2220-2404-2024-9-6 EDN: DGTVVT
8. Maier M.W., Rehtin E. The Art of Systems Architecting. 3rd ed. Boca Raton: CRC Press, 2009. 472 p. DOI: 10.1201/9781420058529
9. Gharajedaghi J. Systems Thinking: Managing Chaos and Complexity. 3rd ed. Burlington: Morgan Kaufmann, 2011. 376 p.
10. Bass L., Clements P., Kazman R. Software Architecture in Practice. 3rd ed. Boston: Addison-Wesley, 2013. 587 p.
11. Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated November 19, 2019 No. 1190-st "On approval of the National Standard of the Russian Federation" // [Electronic resource]. - Access mode: <https://base.garant.ru/73429087>.
12. Gilinsky Ya.I. Sociology of deviant (deviant) behavior: a textbook / Ya. Gilinsky, V. Afanasyev; St. Petersburg branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, 1993. 167 p.
13. Gilinsky Ya.I. On a systematic approach to crime // News of higher educational institutions. Law studies. 1981. No. 5. pp. 49-56. EDN: UASHXV
14. Lysak I.V. Society as a self-developing system: textbook, the handbook of the course "Social Philosophy" for students of higher educational institutions. Taganrog: Publishing House of TTI SFU, 2008. 112 p. ISBN: 978-5-8327-0263-6 EDN: QGVHXL
15. Ignatov A.N. Commodification of personal data as a criminological phenomenon // Society and law. 2025. No. 3 (93). PP. 25-30. EDN: SRIDJA
16. Ignatov A.N. Influence of geopolitical factors on crime // Bulletin of Economic Security. 2023. No. 6. PP. 59-63. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-6-59-63 EDN: ERYCYD

Информация об авторе:

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, e-mail: aleksandrignatov@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0976-167X>.
Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminology, Moscow University of The Ministry of Internal Affairs of Russian Federation named after V.Ya. Kikot.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 30.06.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.07.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.